

Они шли по пятам за проводниками уже до заката. Прошагав около часа назад под лучами угасающего солнца, пока вокруг постепенно сгущалась темнота, У Се вдруг помрачнел и принялся встревоженно озираться по сторонам.

Сяо Лю заметил его странные движения, невзначай ткнул в спину пальцем и тихо спросил: — Что-то заметил?

Обернувшись и увидев Сяо Лю, У Се шёпотом ответил: — Я уже бывал в этих местах. Если за последние два года ничего не изменилось, впереди обязательно должно быть место для ночлега.

И действительно, пройдя ещё немного, они увидели впереди деревянную хижину собирателя трав. Ван Бацю воодушевился и переглянулся с Шитоу, знаком приказывая тому поторопиться и занять местечко получше.

Старик толкнул дверь и, повернувшись к ним, сказал: — Сегодня заночуем здесь. Тут даже печь есть, если хотите, можете сами что-нибудь сварить.

У Се вошёл следом за ними. Хижина, как и два года назад, оказалась двухэтажной, соединённой приставной лестницей. Наверху располагался чердак без мебели, застеленный лишь несколькими толстыми досками, а в центре комнаты чернела земляная яма, полная угольной золы для обогрева.

Сбросив снаряжение, они набрали снаружи сушёного хвороста и поскорее развели костёр, чтобы согреться. Затем вытащили из рюкзаков сухой пайки и принялись жарить их прямо на огне.

У Се жевал сухари — вкус оказался самым обычным. Было непонятно, материализовали ли их спутники на ходу или это была самая настоящая, подлинная еда. И неизвестно, какие побочные эффекты могли возникнуть у тех, кто долго контактировал с подобной энергией, пользовался ею или употреблял в пищу. Пока он погрузился в раздумья, снаружи уже совсем стемнело, и отовсюду донеслись крики диких зверей.

Мигань закурил сигарету, подошёл к старику и, глядя в непроглядную тьму за окном, тихо перекинулся с ним парочкой слов. Не добившись от того толкового ответа, он слегка разочаровался и быстро вернулся назад.

Заметив, что настроение у Миганя испортилось, До Ци подсела к нему. О чём-то пошептавшись втайне от остальных, До Ци повернулась ко всем и объявила: — Ночью здесь небезопасно, нужно дежурить у костра, чтобы дикие звери не прорвались внутрь.

У Се бросил на них презрительный взгляд. К числу своих он их не причислял, да и доверять ему охрану костра никто бы не стал, так что он был только рад отдохнуть. За весь день он вымотался до предела, поэтому просто нашёл какой-то угол и, толком не разобравшись, о чём

они говорят, мгновенно провалился в сон.

Проснулся У Се как по заказу, ровно через шесть часов. Возможно, после ухода Мэньюпиня у него выработалась привычка спать чутко, находясь в диких местах, а может, он просто чувствовал себя неуютно в стане врагов. Так или иначе, он открыл глаза ровно в четыре часа утра — в самый разгар ночного увядания сил. Оглядевшись, он увидел, что все остальные спят, а Сяо Лю тихонько сидит у костра на посту.

На мгновение ему показалось, что Мэньюпинь никуда не уходил, рядом храпит Толстяк, похожий на раскаты грома, а неподалёку шагает Пань Цзы, который вечно оберегал его, как птенца. И что они находятся вовсе не в глухих горах Циньлин, а идут по какой-то другой тропе грабителей могил.

У Се горько усмехнулся про себя — всю горечь на душе знал только он один. Даже если бы эти люди не притащили его сюда силой, разобравшись со всеми делами в лавке, он всё равно собрал бы своих людей и вернулся сюда. Способность к материализации была загадкой, стоящей в одном ряду с Шестиугольным бронзовым колокольчиком, омертвлением плоти и Концом. Быть может, именно здесь скрывался ключ к разгадке.

Заметив взгляд У Се, Сяо Лю повернулся к нему, и в его глазах читался немой вопрос. У Се приподнялся в полусонном состоянии, на цыпочках, крадучись, подошёл к Сяо Лю, опустился рядом у костра и тихо произвел: — Мне нужно с тобой поговорить. Разбуди кого-нибудь из ребят сменить тебя у огня и пойдём со мной. Если не доверяешь, позови ещё одного брата в придачу.

Сяо Лю растерянно посмотрел на него. Видя серьёзное выражение лица У Се и не понимая, что стряслось, он накинул верхнюю одежду, отчего тут же проснулись До Ци и Мигань.

Сяо Лю взглянул на До Ци и тихо бросил: — Посторожи корт, Шитоу только что уснул.

Мигань увязался следом за Сяо Лю и У Се, и втроём они вышли из хижины в лес. У Се сориентировался на местности, включил фонарик и повёл их с подветренной стороны. Прошагав добрых двадцать минут, он наконец остановился. Оглядев следы былой копки на земле, он потёр меж пальцев комья почвы и спросил: — Вы чувствуете здесь что-нибудь?

Сяо Лю и Мигань явно опешили от слов У Се. Инстинктивно приняв их за сторонников и вглядываясь в полумрак, они переглянулись и одновременно покачали головами.

У Се внимательно посмотрел на Сяо Лю и До Ци, улавливая малейшие изменения в выражении их лиц. Убедившись, что они ничего не утаивают, он заговорил: — Два года назад я приходил сюда вместе со своим другом детства. Тогда он выкопал здесь ветвь бронзового дерева с орнаментом культуры царства змей священного дерева, которая символизирует божественное начало земли и плодородия.

Сяо Лю слегка удивился: он никак не ожидал, что У Се сам заведёт об этом речь. Мигань же не обладал выдержкой Сяо Лю и прямо спросил: — Зачем ты привёл нас сюда?

У Се расслабленно посмотрел на них и пояснил: — Хотя бронзовое дерево и наделяет вас этой способностью к материализации, оно несёт в себе и побочные эффекты. Я помогу вам отыскать его, без проблем, но вот удастся ли утащить его и присвоить себе — не уверен. Судя по тогдашним расчётам, бронзовое дерево не меньше семидесяти-восемидесяти метров в высоту, к тому же там таится множество опасностей.

Сяо Лю в упор уставился на У Се и потребовал ответа: — Почему ты решил рассказать нам об этом?

У Се пожал плечами и ответил: — А если я скажу, что в 1845 году некий английский миссионер срисовал эту штуку со скальной живописи в пещере на западе Хунани, вы поверите?

Сяо Лю к тому времени уже оправился от минутного потрясения. Вернув себе привычную невозмутимость, он произмолвил: — Ты хочешь обменяться с нами секретами.

У Се одарил Сяо Лю своей фирменной, невинной улыбкой и тихо проговорил: — И правда, иметь дело с умными людьми — одно удовольствие!

Сяо Лю и Мигань обменялись взглядами: — Мы сами толком ничего не знаем. Когда мы пришли в себя после того мгновения гибели, на дворе уже стояло нынешнее время.

У Се слушал с бесстрастным видом. Стоя к ним спиной и не опасаясь внезапного нападения, он отсутствующим взглядом уставился в сторону хижины и произнёс: — Вы же понимаете, что я спрашиваю не об этом.

Уловив недовольство в голосе У Се, Мигань покосился на Сяо Лю и вымолвил: — О человеке, который стоит за нашими спинами, мы действительно ничего не знаем.

— И впрямь всё шито-крыто, — бросил У Се и резко развернулся. Его глаза полыхали яростью. Сдерживая гнев, он сдавленным голосом спросил: — Так что же вы собираетесь делать, когда найдёте бронзовое дерево?

Сяо Лю и Мигань невольно опешили и покачали головами.

В следующее мгновение У Се внезапно стёр с лица ярость и озарил их своей наивной, простодушной улыбкой, отчего те окончательно растерялись.

Первым повернувшись, У Се зашагал обратно к хижине и бросил через плечо: — Возвращаемся.

Длинные ресницы полностью скрыли промелькнувшую на дне глаз растерянность. Сдаваться было ещё рано: хоть ему и не удалось вывести никаких секретов, он косвенно подтвердил кое-какие свои догадки.

Вернувшись в хижину, они немного передохнули, и вскоре горцы поднялись собираться в путь. Прошагав четыре часа с лишним, на следующий день после полудня отряд наконец перевалил через Гору Шэтоу и вышел к той самой деревушке, о которой упоминал У Се, — к селению, где жили эти мужчина и женщина.

Рассыпавшись в благодарностях перед пожилым стариком, Ван Бацю и остальные распрощались с ним у входа в деревню. Поскольку У Се уже бывал здесь вместе с Лао Яном, он повёл их напрямик к тем сельчанам, у которых они останавливались в прошлый раз.

Деревня лепилась по крутому горному склону, перемежаясь с построенными из камня жилыми домами в стиле эпох Мин и Цин, которым насчитывалось уже не меньше сотни лет. Дороги внутри селения представляли собой сплошные ступени из синего каменного плитняка, причём фундамент домов на самом верху возвышался над нижними постройками добрую сотню метров.

Вдоль обочин дорог вился горный ручей, берега которого заросли зелёным мхом. По пути Ван Бацю и остальные глазели по сторонам: в ограждения многих деревенских дворов были вмурованы погребальные кирпичи разных эпох, что лишний раз доказывало, насколько процветал здесь в древности промысел грабежа гробниц.

У Се купил сухих паек у тех же хозяев, у которых останавливался в прошлый раз, вымылся в ручье, постирал одежду и повесил её сушиться. Оставшись в одних шортах, он присел на берегу ручья и принялся наблюдать, как Ван Бацю и остальные, усевшись кружком, обсуждают дальнейший план действий.

Догонять ушедших вперёд иностранцев уже не имело смысла, да и необходимости в этом не было. Гору они благополучно перевалили, и теперь, опираясь на прежние воспоминания, отыскать дорогу к тому месту было лишь вопросом времени.

Ущелье Цзяцзигоу представляло собой весьма причудливое образование. Служащее ритуальным захоронением, оно находилось примерно в сорока с лишним километрах от деревни, практически в самом сердце первобытных джунглей, и местные жители прекрасно знали это место.

Памятуя о прошлом опыте с тёмным проводником, а также учитывая нынешнее положение, когда враг был неотличим от друга, а удар мог прийти откуда угодно, У Се наотрез отказался нанимать нового проводника — кто знает, на кого наткнёшься на этот раз.

Нынешняя пора отличалась от прошлого раза: стояла вовсе не благодатная осенняя погода, благоприятная для охоты, и туристы здесь почти не появлялись. Ван Бацю, проявив упрямство, отправился искать старосту селения и, объяснив тому цель визита, быстро разыскал некоего почитаемого старика по имени Старик Лю.

Почти ничего не изменилось за два года: седобородый старик грелся на солнышке на открытой площадке. Он был старым охотником, и в свои почти девяносто лет оставался крепок и бодр, словно шестидесятилетний. Почти все исследовательские группы, археологи и расхитители гробниц, заходившие в старые леса, обращались именно к нему.

Старик Лю охотно брался за такую работу: во-первых, платили быстро, во-вторых, положение обязывало. Выслушав объяснения Ван Бацю, он ничуть не удивился, лишь пару раз с любопытством взглянул на У Се.

У Се, уже бывавший в тех краях и прекрасно помнивший тамошний рельеф, мысленно усмехнулся и молча слушал, как Старик Лю описывает Цзяцзигоу.

Если двигаться из этой деревни на запад вглубь неприступных хребтов Циньчуаня, через семь дней пути покажется гора Тяньмэньшань. По обеим её сторонам высятся отвесные скалы, взобраться на которые невозможно, но в толще горы пролегает причудливый разлом, где можно протиснуться лишь вдвоём в ряд — то самое «Узкое небо», о котором часто говорят, или Цзяцзигоу, как называл его Лао Ян. Согласно преданию, в конце эпохи Южных и Северных династий местным довелось увидеть, как через горную тропу в Циньчуань вошло войско Северной Вей. Особенностью этого отряда было то, что во время марша никто не произнёс ни единого слова, и воины сгнули в глубине гор. Когда войско проходило через тот самый горный разлом, земля вдруг задрожала, и гигантская расщелина захлопнулась, зажав солдат в недрах горы. С тех пор они бесследно исчезли и больше никто их не видел.

Уже в эпоху Цин сюда наведывались несколько знатоков фэншуй в поисках могилы для одного богача. Проведя в горах полтора десятка дней, они вернулись едва похожими на людей и твердили, что внутри Тяньмэньшаня кроется водопад Жёлтых Источников, ведущий прямо в подземный мир, и они едва оттуда выбрались.

Поначалу горцы не верили этим рассказам, но со временем многие стали уверять, будто слышали в ущелье грохот скачущих боевых коней. Слухи поползли с новой силой. Кое-кто даже выстроил целую теорию, будто подземная стража попадает в мир живых и мёртвых как раз через водопад Жёлтых Источников, а то самое войско Северной Вей конца Южных и Северных династий на самом деле было армией призраков, возвращавшихся в загробный мир из мира живых.

Старик поведал, что путь до Тяньмэньшаня они ещё смогут осилить, но дальше начинался предел, доступный лишь поколениям местных храбрецов. Что таится в джунглях за ним — не ведал никто. С древнейших времён все, кто заходил туда — будь то татарские воины времён Цин или остатки гоминьдановской армии — не вернулся ни один. Сам он уже слишком стар и вести их туда не сможет, а больше никто в деревне этих мест не знает. Если они и впрямь намерены идти, он может указать им направление: стоит следовать его указаниям, и дней за семь-восемь они наверняка доберутся до места. Но за всё, что случится с ними после входа в чащу, он ответственности не несёт.

Сяо Лю неотрывно следил за У Се. Заметив, что тот слушает рассказ Старика Лю с едва заметной улыбкой на губах, не выказывая ни поддержки, ни возражений, он подумал про себя:

пожалуй, вся эта речь — лишь байка для доверчивых туристов, чтобы содрать побольше денег.

Ван Бацю поблагодарил старика и уже хотел было откланяться, но Старик Лю, заметив, что тот передумал нанимать его в проводники, возражать не стал, однако настоятельно потребовал, чтобы они остались пообедать. Во время трапезы старик несколько раз украдкой косился на У Се, и в его взгляде мелькало лёгкое беспокойство.

У Се нашёл Старика Лю забавным и, поддавшись порыву, в шутку бросил: — Староста, а вы случайно не узнаете меня?

Старик Лю никак не ожидал, что У Се заговорит с ним напрямую. Бегло взглянув на ножку стула рядом с парнем, он выдавил из себя кривую улыбку и произнёс: — А ведь этот паренёк часом не хаживал сюда раньше? Уж больно лицо знакомое.

Заметив этот крошечный жест старика, У Се сообразил, что тот, судя по всему, припомнил их прошлый визит с Лао Яном и то, как они просили указать им дорогу. Не теряя времени, он привычно и дружелюбно отозвался: — Дедушка, я бывал здесь два года назад! Так запомнились ваши фирменные солёные закуски из дичи — не угостите ли нас в этот раз ещё порцией?

Услышав похвалу, Старик Лю расплылся в довольной улыбке и закивал: — Без проблем, без проблем!

Шитоу покосился на У Се, который так быстро сошёлся со Стариком Лю, за один присест нанизал на палочку сразу два мясных пирожка, сунул один Ван Бацю, а второй с яростью вгрызся сам, переполненный скрытой злобой.

Отдохнув денёк, они снова двинулись в путь. На сей раз цель была чёткой и ясной: сверяясь со стрелкой компаса и стиснув зубы, отряд переваливал через горы и пересекал реки, с головой погружаясь в самые таинственные и бескрайние первобытные леса китайского захолустья.

По пути Ван Бацю успел сорок четыре раза поскандальить, тридцать один раз устроить истерику и бесчисленное количество раз пожаловаться. Казалось, одним лишь взглядом он был готов покромсать У Се на тысячу кусочков. На седьмой день, когда над кронами деревьев наконец показались вершины Тяньмэньшаня, путники остановились на привал. К тому моменту все они выглядели не лучше дикарей.

У Се оглядел окрестности и заявил, что они на месте! Стоит пройти через этот самый Цзяцзигоу, и за ним откроется небольшое ущелье, где и спрячется то самое ритуальное захоронение.

До Ци ловко взлетела на гигантскую старую пихту и, выхватив из-за пояса чёрную узкую специализированную подозрную трубу, всмотрелась вдаль. Очертания Тяньмэньшаня поражали своей величественностью и крутизной: склоны поросли зловещими горными соснами, пейзаж выглядел сурово и необычно, однако сама гора вовсе не напоминала врата —

оставалось загадкой, откуда взялось такое название. Что же до «Узкого неба» посредине, то отсюда оно казалось едва заметной чёрной ниточкой.

Продолжая карабкаться по хребту невысокой горы и приближаясь к Тяньмэньшаню, они двигались вперёд по рельефу, попутно изучая впереди лежащую местность. К полудню они вышли к подножию горы, где прямо перед ними раскинулась полоса хаотичного нагромождения валунов у самого входа в Цзяцзигоу.

Циньлин — поистине удивительное место, особенно в тех уголках, которых ещё не коснулась рука туристической индустрии. Здесь таится немало чудесных видов. Стоило вскинуть голову под отвесными скалами Тяньмэньшаня, как открывалось потрясающее по своему грандиозному масштабу зрелище: выражаясь проще, гигантская горная глыба словно была рассечена ударом острого меча, образовав посредине узкую трещину. Дно этой расщелины и было тем самым ущельем Цзяцзигоу. Из-за невероятной высоты скал открывающийся отсюда вид на узкую полоску неба сильно отличался от тех видов, что бывали среди низких холмов: вскинув взгляд на головокружительную высоту, можно было увидеть лишь тончайшую нить света на далёком небосводе — поистине казалось, что всё небо сжалось в одну-единственную линию. Без личного присутствия невозможно было прочувствовать и тысячной доли этого величия.

Дно ущелья Цзяцзигоу было усыпано беспорядочными грудками камней. С обеих сторон то и дело сочились чистые родники, а валуны поросли зелёным мхом, из-за чего передвигаться было крайне тяжело. Впрочем, само ущелье оказалось не столь узким, как казалось издали, да и света падало достаточно: поскольку горы у самого входа были невысокими, над головой чернело не «узкое небо», а целый «столб неба».

Вспоминая прошлое, У Се прикинул, что на прохождение этого ущелья уйдёт не меньше полудня, к тому же внутри гулял сильнейший сквозняк, а сырая земля делала разведение костра крайне неудобным. Поэтому отряд решил остановиться неподалёку от входа, развести костёр и перекусить.

Из-за недоверия к У Се готовкой и распределением пайков занимались До Ци и Сяо Лю. Они смешали солёные овощи, подаренные стариком У Се, с остатками консервов и разогрели всё это на огне, питаясь наподобие как в каком-нибудь хого.

Горцы привыкли к острой и насыщенной пище, поэтому еда получилась чрезмерно солёной и на вкус так себе, но по сравнению с сухими сухарями это было в разы лучше, так что в первые дни запасы расходовали экономно. Теперь же, видя, что цель близка, они наконец могли наесться досыта. Все набросились на еду в два счёта, опасаясь уронить хоть крошку, и в мгновение ока прикончили всё солонину.

Сам У Се остался голоден. Вспомнив, что в рюкзаке у него должна была остаться припрятанная напоследок пачка галет, он решил доест её целиком, но, запустив руку назад, наткнулся на чью-то мохнатую ручищу.

У Се подумал, что это чья-то рука, возможно, принадлежавшая кому-то, кто опасался, как бы

он не наелся досыта и не сбежал по дороге, поэтому не стал придавать этому значения. Отпустив мохнатую лапу, он просто сел ровно и вяло прикрыл глаза в намерении немного вздремнуть.

Ван Бацю в упор уставился У Се в спину. Выражение его лица было крайнее напряжённым, и он уже собирался подать голос, как вдруг почувствовал, как что-то холодное и сырое шлёпнулось ему за шиворот.

У Се с закрытыми глазами услышал глухое ругательство Ван Бацю: — Кто это выплевывает кости мне за воротник?!

При нынешней нехватке припасов, когда еда была на вес золота, никто бы в здравом уме не стал разбрасываться объедками — напротив, кости разжевывали и глотали целиком, да ещё и жалели, что мало. У Се мысленно покачал головой и усмехнулся про себя.

Не успел он удивиться вновь, как сверху, со скалы, сорвалась ещё одна кость. Прищурившись, У Се поднял глаза на утёс и обомлел: с десятков крупных шаньсяо неизвестно когда вскарабкались на стену прямо над их головами. Одна из тварей держала в лапах двойной походный рюкзак со снаряжением и, словно по волшебству, одну за другой вытаскивала оттуда жареных цыплят с побегами бамбука и вяленое мясо. Судя по тому, с каким аппетитом она уплетала добычу, похоже, эти звери давным-давно не пробовали ничего столь вкусного — она даже не утруждалась разрывать упаковку и вгрызалась в неё прямо так.

Ван Бацю в ужасе смотрел на шаньсяо. Те в мгновение ока прикончили всю еду, а затем свирепо уставились на лежавшие на земле рюкзаки.

У Се похолодело внутри: если в прошлый раз они столкнулись лишь с золотистыми макаками, то теперь перед ними стояли свирепые шаньсяо, против которых троим пришлось бы туго, а уж в одиночку и вовсе не совладать.

Постойте-ка, в китайских мифах и легендах шаньсяо — это одноногие лесные демоны-призраки. О них упоминается ещё в Списке морей внутри материка из Книги гор и морей: на юге обитают ганьские гиганты, с человеческими лицами, длинными руками, чёрным телом, покрытым шерстью, и пятками, повёрнутыми назад; стоит им увидеть человека, как они начинают смеяться, прикрывая лицо губами, а завидев кого-то чужого, тут же убегают.

В реальной же жизни шаньсяо называют гималайскими бабуинами — самыми крупными обезьянами в мире. У них крупная, вытянутая голова, а по обе стороны носовых костей выступают костные наросты с продольными гребнями, между которыми залегают борозды; кожа там зелёная, а сами гребни ярко-красного цвета. У самцов насчитывается около шести основных борозд с каждой стороны, причём красный цвет распространяется на носовую кость и всю область вокруг пасти. Этот яркий, причудливый узор формой напоминает демона, за что их и прозвали шаньсяо. Живут они небольшими стайками, резвятся в густых лесах и среди скал, а их главным природным врагом являются леопарды, хотя те обычно нападают лишь на самок и молодняк. Существует две разновидности: обычные шаньсяо и чернолицые шаньсяо,

обитающие в экваториальной Африке.

Но постойте, они обитают в экваториальной Африке! Каким ветром эту нечисть занесло в китайские Циньлинь? Не раздумывая больше ни секунды, У Се резко развернулся, выдернул из ближайшего рюкзака продолговатое оружие и со всего маху опустил его на головы подбежавших ближе всех Сяо Лю и остальных.

<http://bllate.org/book/22030/2290342>